

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.12>

Крылов Алексей Олегович

[Раннее Новое время как исторический период в мировой и отечественной историографии](#)

В статье проанализированы происхождение и развитие понятия "раннее Новое время" в мировой и отечественной историографии. Рассмотрена взаимосвязь представлений о хронологических границах и отличительных чертах раннего Нового времени с различными философскими и социологическими концепциями модерна XIX-XX вв., показана эволюция этого термина от обозначения стадии социального развития к широко понимаемой исторической эпохе. В работе раскрыта специфика осмысления раннего Нового времени как периода российской истории в отечественной исторической науке начала XXI в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/12.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 71-77. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Historiography, Source Study and Historical Research Methods

УДК 93

Дата поступления рукописи: 20.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.12>

В статье проанализированы происхождение и развитие понятия «раннее Новое время» в мировой и отечественной историографии. Рассмотрена взаимосвязь представлений о хронологических границах и отличительных чертах раннего Нового времени с различными философскими и социологическими концепциями модерна XIX-XX вв., показана эволюция этого термина от обозначения стадии социального развития к широко понимаемой исторической эпохе. В работе раскрыта специфика осмысления раннего Нового времени как периода российской истории в отечественной исторической науке начала XXI в.

Ключевые слова и фразы: раннее Новое время; модерн; ранний модерн; множественные модерности; теория модернизации; переплетённые модерности.

Крылов Алексей Олегович, к.и.н.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
dismal.enigma@yandex.ru

Раннее Новое время как исторический период в мировой и отечественной историографии

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-39-00099 мол_а.

Понятие «раннее Новое время» широко используется в исторической науке для обозначения периода всемирной истории со второй половины XV в. до конца XVIII в. [26, р. 249-250]. Цель настоящей работы – исследовать происхождение и развитие понятия «раннее Новое время» в мировой и отечественной историографии, а также проанализировать представления ученых о хронологических рамках и особенностях этого исторического периода. **Научная новизна** статьи определяется отсутствием специальных историографических исследований по происхождению и эволюции данного понятия.

В целом вопрос о раннем Новом времени рассматривался в работах отечественных ученых [8, с. 122-128; 17, с. 109-120]. Между тем подобное исследование остается **актуальным**, поскольку в российской исторической науке до сих пор не существует консенсуса относительно хронологических рамок и сущностных характеристик данного времени.

Терминология национальных историографий далека от единства, однако в ней можно выделить три традиции периодизации истории XV-XX вв. Англосаксонская традиция выделяет «раннюю современную эпоху» (Early Modern Age), собственно «современную эпоху» (Modern Age) и «нынешнюю эпоху» (Contemporary Age), начинающуюся с 1945 г. [27]. Германская традиция выделяет «раннее Новое время» (Frühe Neuzeit), «Новое время» (Neuzeit) и «[наше] время» (Zeit), отсчитывать которое обычно начинают с окончания Первой мировой войны [31]. Наконец, французская традиция выделяет «современную эпоху» (époque moderne), которая в целом соответствует Early Modern Age и Frühe Neuzeit, а также «нынешнюю эпоху» (époque contemporaine), которая охватывает весь период после Французской революции (то есть как Modern Age и Neuzeit, так и Contemporary Age и Zeit) [30, р. 830-838].

Российская историография следует за германской, выделяя «раннее Новое время», «Новое время» и «Новейшее время», начинающееся обычно в 1917 г. Слово «модерн» и особенно прилагательное «модерный» в русском языке давно закрепилось за художественным стилем *art nouveau*. Поэтому философское и социологическое понятие «модерн» нередко переводится как «современный». При этом в русском языке нет различий

между *modern* (современный в смысле новый, нестарый) и *contemporary* (современный в смысле современный нам, нынешний).

Причина этой терминологической запутанности коренится в том, что сами по себе термины «раннее Новое время», «ранний модерн» непосредственно связаны с философским пониманием понятия модерна как особой, *новой* эпохи, пришедшей на смену Средневековью, а с конца XX в. – нередко и как эпохи уже завершившейся или близкой к завершению. Поскольку философское осмысление модерна как явления и эпохи – одна из важнейших проблем философии последнего столетия, то к настоящему времени существует несколько различных концепций, выделяющих различные признаки модерна.

Трехчастная периодизация Античность – Средние века – Новое время возникла в результате сочетания гуманистического и протестантского взглядов на ход европейской истории. Гуманисты, рассуждая о литературе и искусствах, говорили об их расцвете в древности, упадке в «темные века» и последующем возрождении. Протестанты писали о древней апостольской Церкви, последующем периоде папизма и суеверия и восстановлении истинного христианства Мартином Лютером. Только во второй половине XVII в. историки начали осмысливать Средние века и Новое время как исторические периоды. Первым широко известным автором, применившим в своих работах трехчастную периодизацию, был немецкий педагог Кристоф Келлер (Целлариус). В труде «История Средних веков» он описывал двенадцать столетий от основания Константинополя до его взятия турками в 1453 г., а в вышедшей позже «Новой истории» замечал, что началом этой эпохи были 1500-е годы, поскольку тогда начались географические открытия, распространение пороха и Реформация Церкви [25, р. 74-77]. В XVIII в. трехчастная периодизация постепенно распространяется среди историков. Этому способствовала критика философией Просвещения Средних веков как эпохи варварства и невежества, противопоставленной эпохе разума [27, р. 22-24]. Однако единства относительно хронологических границ трех периодов не было. При этом выражение «модерная эпоха» (*modern times, tempes moderne*) употреблялось в XVIII в. в Англии и Франции для обозначения трех столетий, прошедших с 1500-х гг.

В начале XIX в. Г. В. Ф. Гегель, первым из философов начавший размышлять о модерне как философском понятии, полагал, что главным принципом модерна является субъективность, сочетающаяся в себе индивидуализм, право на критику и автономию действия. В качестве ключевых исторических событий, позволивших осуществить принцип субъективности, немецкий философ называл Реформацию, Просвещение и Французскую революцию. Потому Гегель, излагая свою философию истории, указал, что «Новое время» есть «время модерна» [20, с. 9]. В середине XIX в. ряд исторических событий, сформировавших индивидуализм, был дополнен понятием эпохи Ренессанса, изобретенным Ж. Мишле и Я. Буркхартом [1, с. 547-557]. Соответственно, в последней трети XIX в. период с середины XV в. по конец XVIII в., вмещавший в себя события Ренессанса, Реформации, Просвещения и Французской революции, был осмыслен как единая эпоха: как время, когда человечество прошло исторический путь от Средневековья к блистательной *современности* XIX столетия.

Классическая философия XIX в., со свойственными ей прогрессизмом и эволюционизмом, стала той идейной основой, на которой происходило становление науки об обществе. Социальные теории XIX в. – начала XX в. связали философскую концепцию модерна с конкретными общественными процессами. К. Маркс рассматривал *современность* XIX в. как мир торжества капитализма и, соответственно, видел в событиях трех предшествующих столетий время становления этой общественной формации. М. Вебер в начале XX в. сформулировал классическую концепцию модерна как продукта рационализации, дисциплины, интеллектуализации и «расколдовывания мира». Становление современного капиталистического общества немецкий ученый увязывал с Реформацией, полагая, что дух капитализма есть развитие духа протестантизма [3].

После окончания Второй мировой войны и начала холодной войны в США возникла настоятельная потребность в макроисторической концепции, способной эффективно противостоять марксизму. Идеи М. Вебера стали основой для теории модернизации, сформулированной в конце 1940-х – 1950-х гг. американскими социологами, прежде всего Т. Парсонсом [8, с. 122-124]. Сведя в единую парадигму уже существовавшие представления о трансформации традиционного аграрного общества в капиталистическое индустриальное, американские исследователи придали этому процессу отчетливую либеральную окраску.

Согласно теории модернизации, общество становится современным, обретая совокупность политических, экономических и социальных институтов, построенных на началах индивидуальной свободы и рациональности. Эти институты сформировались в Европе в особую «эпоху модерна» XVII-XX вв. и стали основой для свободно-рыночной экономики, либеральной идеологии и демократического политического устройства. Переход к современному обществу от предшествующего ему традиционного общества происходит в ходе процесса модернизации, который является однонаправленным, линейным и в конечном счете неизбежным для всего человечества. Идеалом современного общества были признаны модели общественного построения послевоенных Соединенных Штатов Америки и Великобритании – все прочие общества трактовались как отстающие на этом пути [21, с. 60]. Концепция модернизации изначально была крайне политизирована, создавалась после начала холодной войны как противовес марксизму с его историософией и в 1960-е гг. выступала как идеология американской политики – прежде всего в отношении стран третьего мира [29].

Хотя классическая теория модернизации во многом создавалась как альтернатива марксизму, обе концепции имели общие основания, восходящие к философии и социальной теории XIX в. И марксизму, и теории модернизации были свойственны прогрессизм, однолинейность, универсальность и детерминизм. Обе они разделяли классическую концепцию модерна.

В конце 1950-х годов на волне популярности теории модернизации и возник термин «раннее Новое время» (Early Modern Age), объединявший период от Ренессанса до Французской революции и промышленного переворота конца XVIII-XIX вв. Это понятие впервые появилось в 1940-е гг. в американской историографии и с конца 1950-х начало распространяться в исторических сочинениях США и Великобритании, а позднее и других стран Запада [33, р. 297-298].

Тем самым раннее Новое время изначально трактовалось как ранний этап формирования тех социальных институтов, которые ведут к становлению модерна.

Однако уже в конце 1960-х гг. теория модернизации стала активно подвергаться критике со стороны неомарксистов и постмодернистов за свою ограниченность, прямолинейность, идеалистичность и амероевроцентризм. В 1970-е гг. накал критики только нарастал. Теория, отождествившая модерн с североатлантическим Западом эпохи холодной войны, не могла адекватно описать, почему СССР, Иран после Исламской революции, дальневосточные страны не следовали по либерально-капиталистическому пути, но тем не менее стремительно развивались и приобретали экономическое и политическое влияние, а бывшие колонии третьего мира, несмотря на все демократические реформы, не достигали успеха. Странники теории модернизации трактовали подобные случаи как либо отклонения от прямого пути к модерну, либо вовсе как не модерн – однако отклонений становилось чуть ли не больше, чем правил [21, с. 61; 35]. Неомарксисты, напротив, утверждали, что глобальное неравенство не является результатом «отсталости» тех или иных обществ, а есть неизбежное следствие существования глобальной капиталистической экономики [2].

Решительный удар по концепции модернизации с ее саморазвивающимся механизмом капиталистической экономики нанесли распространение постструктурализма и «антропологический поворот» в общественных науках в 1970-е гг. От анализа процессов и неподвижных структур исследователи переходят к изучению практик и стратегий, поведения конкретных людей. Французские философы-постмодернисты подвергли фундаментальной критике классическую концепцию модерна, оспорили «благость» модерна, указав, что современные институты не могут освободить человека, а лишь иначе ограничивают его свободу, и предсказывали наступление нового, постмодерного общества, которое, преодолев современные институты, сможет принести людям истинную свободу [21, с. 63]. Большое влияние в общественных науках с этого времени приобрели идеи М. Фуко, который убедительно писал не о единой рациональности, а о ее различных формах, не о властных институтах, а о власти, растворенной во всем обществе. Французский мыслитель предпочитал говорить о модерне не как о хронологической эпохе, а как об определенном *этносе* [28, р. 17].

Тем самым на смену теории модернизации, описывавшей модерн как совокупность социальных институтов и определенную эпоху в развитии человечества, пришли *теории модерна*, рассматривавшие модерн как определенные практики и установки мышления. Если ранее модерн связывался с секуляризацией, то теперь религия признавалась важной действующей силой перемен, а иудео-христианский монотеизм вновь провозглашался основой современного мировоззрения [18].

Несмотря на столь масштабные перемены в социальной теории и философии истории, термин «раннее Новое время» не устарел вместе с теорией структурно-функциональной модернизации, но, напротив, завоевывал все большую популярность. В 1970-80-е гг. выходят многочисленные исследования, посвященные раннему Новому времени, авторы которых представляли различные подходы и школы. При этом хронологические рамки периода становились все более размытыми и неопределенными, варьируя от 1300 г. до 1850 г. [33, р. 301].

С конца 1980-х годов, с наступлением эпохи глобализации, все большую популярность среди исследователей стала приобретать глобальная история [22, с. 77-82]. Это привело к тому, что с конца 1980-х термин «раннее Новое время» начали все шире применять к азиатским и африканским странам, а историки стали писать о мире раннего Нового времени. Такой подход еще больше способствовал размытию понятия «раннее Новое время», которое превратилось в «динамичный период» между 1450 и 1850 годами [26].

Глобализация рождала запрос на новое, не столь европоцентристское, как ранее, понимание модерна для общественных наук. В 1990-х гг. израильский социолог Ш. Эйзенштадт сформулировал концепцию «множественных модернов» как веберийский ответ на вызов постструктурализма и глобальной истории. Согласно этой концепции, модерн – определенная культурная, социальная и институциональная программа. Различные общества отвечали на эту универсальную программу по-разному, в зависимости от своих премодерных традиций, сознательно выбирая и переосмысливая европейский опыт. Тем самым исследователь предположил, что существует не единственный путь модернизации, ведущий к «западному» идеалу, а разнообразие исторических путей и тропинок, ведущих к «множеству модернов», с их вариациями культурных и институциональных форм [24].

Однако концепция «множественных модернов», фактически распространявшая веберийскую модель на неевропейские общества и религии, не могла дать адекватное описание всему разнообразию векторов развития человеческих обществ. Поэтому в начале 2001 г. американец Г. Терборн выдвинул концепцию «переплетенных модерностей». Исследователь предложил понимать модерн не как универсальный феномен, а как глобальный, охватывающий весь земной шар. Согласно этой концепции, в результате исторического развития обществ переплетаются и взаимодействуют между собой модерн и традиция, различные социально-политические пути к модерну и сами следующие по ним общества, наконец – нарративы модерности и ее символические формы. Потому важнейшее значение имеют империализм и колониализм, оказавшие огромное влияние на глобальные связи и взаимовлияния различных обществ. Все эти переплетения порождают

разнообразие гибридных модерностей, сочетающих в себе различные институты, связанные со своим прошлым и между собой [35, p. 295-302].

Такое обилие концептуальных подходов, старых и новых, привело к тому, что в зависимости от избранной автором философской концепции модерна менялись и хронологические рамки модерна как эпохи. Соответственно, в еще большей степени варьируют и хронологические рамки раннего Нового времени, раннего модерна. Ведь характеристика периода как *раннего* модерна подразумевает, что в эту эпоху некие сущностные черты модерна уже проявились, но еще не во всей полноте, что неизменно превращает вопрос о периодизации в софизм «куча» (когда черт модерна становится достаточно, чтобы именовать его ранним, но недостаточно, чтобы называть просто модерном?). В итоге исследователи с иронией и даже некоторым раздражением пишут о «путанице» раннего Нового времени [33, p. 296], о том, что «ранний модерн» при внимательном взгляде вовсе не «модерн» и тем более не «ранний» [27], о том, что «мир раннего Нового времени» никогда не существовал.

Если в Италии размышления о раннем Новом времени были связаны с Ренессансом, в Германии – с Реформацией, во Франции – с *Ancien Régime*, то в России – с Петром I и его преобразованиями. Поскольку Петр I был основателем Российской империи, определившим основные черты ее устройства, то уже с XVIII в. стали появляться размышления о петровской эпохе, в которых за оценками людей и событий прошлого скрывались суждения и оценки происходившего в настоящем.

«Петровский миф», который начал создаваться уже при жизни царя и при его участии, утверждал, что Петр Великий сотворил *новую Россию*. В XVIII в. этот панегирический миф представлял Петра как основоположника российского просвещения, сторонника развития цивилизации и разума, а также ревностного противника варварства и суеверий. Ближе к концу столетия начинается осторожная критика петровских преобразований, упрекавшая императора за забвение русских обычаев и чрезмерное подражание иноземцам [23, p. 303]. Следуя сложившейся традиции, историки князь М. М. Щербатов и М. Н. Карамзин выделяли время петровских реформ как своего рода границу между «древней» и «новой» Россией.

С 1830-х гг. образ Петра стал трактоваться сквозь призму романтизма и немецкой идеалистической философии, а петровские реформы виделись неким аналогом Реформации и Просвещения из гегелевской концепции модерна. Если николаевские идеологи и западники в целом разделяли положительную оценку просвещенческого образа Петра I как создателя цивилизации в России, то славянофилы предложили первый негативный образ царя-преобразователя, критикуя не только отдельные черты его личности и деятельности, но и петровские реформы в целом как лишившие Россию ее народных начал [32, p. 304]. Поскольку главным содержанием петровских реформ считалась европеизация России, ее обращение на Запад, то допетровская Русь понималась как альтернатива Западу и модерну как западному историческому пути: у славянофилов это была утопия без раскола между «народом» и «обществом», у западников это был Восток, понимаемый в духе *ориентализма*, с инертностью, жестокостью, фанатичной религиозностью, деспотизмом, отсталостью. При этом представления о допетровской Руси зачастую строились на основании жизни тех слоев населения, которые, как считалось, сохранили допетровский быт, нравы и обычаи – прежде всего крестьяне, купцы и старообрядцы.

Во второй половине XIX в. крупнейшие историки XIX в. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский пришли к выводу, что преобразования Петра I были лишь продолжением тех тенденций общественного развития, которые сложились в XVII в. Именно Смута разрушила древнерусские устои, вскрыла отсталость от соседей, подвела к осознанию того, что перемены неизбежны. Тем самым столетие между Смутой и Петром I стало пониматься как особый переходный период, совместивший в себе уходящие древнерусские черты с *западным влиянием* и тем самым подготовивший петровские реформы с их полным переходом государства и дворянства к западному модерну [9, с. 272-273]. Критика петровских реформ, как неоправданно жестоких и во многом неудачных, постепенно стала общим местом для пореформенной эпохи. Своей кульминации эта критика достигла в знаменитом труде П. Н. Милюкова по истории русской культуры [11], представившем петровские реформы как народную катастрофу.

Концептуальные выводы историков второй половины XIX в. получили развитие в историографии XX в., как советской, так и русского зарубежья. Однако теперь осмыслялись не только причины и последствия петровских реформ, но и причины и последствия революции 1917 года («Великий Петр был первый большевик» [4, с. 373]).

В советском марксизме переход от Средневековья к Новому времени рассматривался как переход от феодализма к капитализму. Соответственно, дополнялась и сложившаяся в XIX в. схема перехода к модерну: Ренессанс, Реформация, Просвещение и Французская революция дополнялись Нидерландской и Английской буржуазными революциями; все эти события связывались с классовой борьбой буржуазии против феодального строя. Связь советского марксизма с государственной идеологией побуждала всех советских историков руководствоваться сформулированными партией принципами. В 1934 г. для советской науки в качестве границы Нового времени были официально утверждены 1640 г. и Английская буржуазная революция [17, с. 109].

Марксистская периодизация истории России была несколько иной. В 1920-х – начале 1930-х гг. в советской исторической науке доминировала школа М. Н. Покровского, который связывал развитие абсолютизма в России с развитием «торгового капитализма», зародившегося на Руси уже в XIV в. и господствовавшего вплоть до XIX в. Внутриполитические перемены середины 1930-х гг. привели к тому, что школа М. Н. Покровского подверглась жестокой критике, а периодизация истории стала ориентироваться на дореволюционные концепции. Этому способствовало и то, что В. И. Ленин, размышляя об истории России, опирался на В. О. Ключевского. Описывая эпоху феодализма, В. И. Ленин выделял в ней Древнюю Русь, Средние века, или эпоху Московского царства, и «новый период» русской истории с XVII в., когда складывается

«всероссийский рынок». Последующими веками в истории России Ленин считал правление Петра I и крестьянскую реформу 1861 г. [5, с. 28].

В послевоенной советской исторической науке шла дискуссия о раннем или позднем характере генезиса капитализма в России: как время начала формирования капиталистического уклада предлагались и XVII в., и XVIII в. (середина, 1760-е годы, последняя треть или конец столетия), и XIX в. Тем самым в советской марксистской историографии конец XV в. – XVIII в. не рассматривались как единый период: XV-XVI вв. относились к «Средним векам», а XVII-XVIII вв. – к «позднему феодализму» [Там же, с. 273-274]. При этом оба периода не характеризовались как Новое время, которое понималось как эпоха капитализма.

В 1990-е годы российские историки, отказавшись от дискредитированного марксизма-ленинизма с его социологическими и философскими трактовками истории, по большей части стремились избегать исторических и социологических концепций. Исследователи стали чаще обращаться к изучению конкретных фактов и явлений, пользуясь методологией позитивизма второй половины XIX в. – начала XX в. или подходами структуралистской и постструктуралистской исторической антропологии [19, с. 67-78].

Среди тех историков, которые стремились осмыслить историю России, используя макроисторическую концепцию, наибольшую популярность приобрела концепция модернизации. Для российских ученых, которые стремились найти новые смыслы событий исторического опыта России, теория модернизации нередко казалась подходящей альтернативой марксизму (притом совпадавшей с ним в своих основах), поскольку предлагала целостный взгляд на историю, была хорошо разработана в западной науке и давала возможность вписать российскую историю в европейский и мировой контекст [12, с. 41-48, 126-128].

Те ученые, которые рассматривали модернизацию как универсальный исторический процесс, затрагивающий Россию, руководствовались положениями о переходе к модерну как последствии структурных перемен в общественно-экономической жизни. Обычно своеобразие исторического пути России в этом случае осмыслялось как отставание на пути к построению общества, подобного американско-европейским обществам второй половины XX в. Однако большинство российских ученых отвергали возможность применения концепции модернизации к истории России. Они либо вовсе отрицали саму концепцию как «западоцентристский» детерминизм, либо полагали, что Россия и к концу XX в. осталась не-модерным обществом [6, с. 19-44].

«Эзопова традиция» в рассуждениях о модерне и после распада СССР также оставалась актуальной: образы «антизападного» Московского царства и «западника» Петра I приобрели новое значение, а теория модернизации в приложении к истории России XV-XVIII вв. нередко превращалась в восходящий еще к П. Я. Чаадаеву поиск причин и форм русской отсталости от Запада.

В целом большинство российских историков при обсуждении вопроса о переходе России к модерности продолжали оставаться в рамках философии истории XIX в. (будь то позитивизм или марксизм) либо опирались на наработки социальной теории начала – середины XX в. (теория модернизации). Поэтому в дискуссиях использовалось классическое понимание модерна (регулярность, рациональность, индивидуализм и автономия личности), а также модернизации (с ее акцентом на возникновение новых институтов, европоцентризм и противопоставлением традиционного и современного) как единого пути к модерну. «Культуральные», неомарксистские и постмодернистские концепции модерна, равно как и плюралистические концепции модерности 1990-2000-х годов в целом остались уделом философов и социологов-теоретиков.

В связи с этим нельзя не упомянуть дискуссию о монографии П. В. Седова, состоявшуюся в 2008-2009 гг. Петербургский ученый в своем исследовании «Закат Московского царства» [15], посвященном России в 1670-х – начале 1680-х гг., попытался пересмотреть положения Соловьева – Ключевского о «переходном» характере XVII в. и охарактеризовал Московское царство до петровских реформ как средневековое. Основанием для такого вывода для П. В. Седова стала практика политической и социальной жизни, организации военных сил России при Федоре Алексеевиче. По мнению исследователя, эта практика была «средневековой», так как основывалась на личных отношениях и поручениях, а не на институтах. Оппоненты П. В. Седова указывали, что переход к модерну происходил медленно и постепенно и что петербургский историк преувеличивает как архаизм российской политики XVII в., так и модерность петровских преобразований [10, с. 173-191; 13, с. 392-431].

Отказ от марксизма как единой обязательной историософии позволил пересмотреть утвердившуюся в советской науке периодизацию истории. В работах российских историков утвердился термин «раннее Новое время», который стал применяться и по отношению к истории России. Однако поскольку среди исследователей нет консенсуса относительно свойств этой «новизны», т.е. модерна в России, то содержание и хронологические границы российского раннего Нового времени оставались неопределенными.

Примером, иллюстрирующим эту неясность, является монография литературоведа Л. И. Сазоновой «Литературная культура России. Раннее Новое время» [14]. Автор понимает «раннее Новое время» как некое качественное состояние культуры, сравнимое с таковым в других европейских странах, и отождествляет его в России с «переходным периодом» XVII в. Однако, как уже говорилось выше, «Early Modern Times» англоязычной историографии включает в себя не только Ренессанс, с которым Л. И. Сазонова, вслед за Д. С. Лихачевым, сопоставляет русское барокко, но и последующие столетия вплоть до конца XVIII в. [Там же, с. 14-23]. Тем самым заявленная автором цель интеграции русского барокко в «европейскую парадигму» не может быть достигнута, т.к. русский «ранний модерн» получается значительно, почти на треть, короче в сравнении с другими странами.

Очевидно, в российской исторической науке начала XXI в. в целом сохраняется концепция XVII века С. М. Соловьева и В. О. Ключевского как переходного периода между «предмодерной» Московской Русью и «модерной» Россией. Эту точку зрения четко выразил историк В. Н. Захаров: «Ясно, что в России данная

эпоха (раннее Новое время. – *А. К.*) наступает позже, чем в Западной Европе. Наиболее очевидной гранью является начало реформ Петра I, хотя есть основания видеть начало Нового времени в России в XVII в.» [7, с. 31]. Однако некоторые исследователи предлагают отнести начало раннего Нового времени к эпохе Ивана III [16]. Западные русисты, говоря о России, предпочитают использовать общепринятую хронологию и включают в период «раннего модерна» русскую историю с Ивана III по Павла I [23, р. 291-316].

Таким образом, понятие Новое время возникает в европейской историографии в конце XVII в. как обозначение периода истории после падения Константинополя, открытия Америки и начала Реформации. В историософии и социологии XIX в. – начала XX в. период европейской истории с середины XV по конец XVIII в., вмещавший в себя события Ренессанса, Реформации, Просвещения и Французской революции, был осмыслен как единая эпоха, время становления современного общества. Особое значение имела историко-социологическая концепция М. Вебера, описавшего переход от традиционного общества к обществу модерна. Термин «раннее Новое время» возникает в середине XX в. как часть концепции модернизации, разработанной американскими социологами на основе идей М. Вебера. После упадка теории модернизации в конце 1960-х и появления новых философских концепций модерна и модерности раннее Новое время все больше начинает пониматься как условный хронологический период, подобный Античности и Средневековью и охватывающий время с середины XV в. по конец XVIII в. В 1980-2000-х гг. в связи с глобализацией понятие «раннее Новое время» распространяется на всемирную историю.

В России XVIII в. – первой половины XIX в. началом Нового времени российской истории считались преобразования Петра I. Выдающиеся историки XIX в. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский видели начало Нового времени в Смуте первых десятилетий XVII в. В советской исторической науке периодизация российской истории до XIX в. была основана на сочетании марксистского формационного подхода и концепции В. О. Ключевского. Период XV-XVI вв. относился к «Средним векам», а XVII-XVIII вв. – к «позднему феодализму».

С 1990-х гг. российские историки начинают употреблять термин «раннее Новое время» применительно к периоду европейской и всемирной истории XV-XVIII вв. В начале XXI в. среди отечественных ученых нет консенсуса относительно хронологических границ и отличительных черт раннего Нового времени как периода отечественной истории. Это связано с дискуссией о своеобразии исторического пути России, с вопросом о том, насколько социологическое и философское понятие «модерн» применимо к русской истории.

Список источников

1. **Брагина Л. М.** «Культура Возрождения в Италии» Я. Буркхарда: традиции восприятия // Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии: опыт исследования. М.: Юрист, 1996. С. 541-557.
2. **Валлерстайн И.** Мир-система модерна: в 4-х т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. Т. 1. 451 с.
3. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма. М.: Бизнеском, 2013. 321 с.
4. **Волошин М.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1. 606 с.
5. **Гросул В. Я.** О периодизации всемирной и отечественной истории // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров; сост. Е. Н. Рудая. М.: Наука, 2009. Вып. 8. С. 122-139.
6. **Дэвид-Фокс М.** Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19-44.
7. **Захаров В. Н.** Когда в России началось Новое время? // Российская история. 2014. № 1. С. 29-31.
8. **Ким О. В.** Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 122-128.
9. **Кошелева О. Е.** Современная отечественная историография России пред-петровского времени: новые аспекты // *Questio Rossica*. 2018. Т. 6. № 1. С. 269-289.
10. **Кошелева О. Е., Кром М. М., Лисейцев Д. В.** Дискуссия о книге: Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006 // Отечественная история. 2008. № 1. С. 173-191.
11. **Милуков П. Н.** Очерки по истории русской культуры: в 3-х ч. СПб.: Редакция журнала «Мир Божий», 1898. Ч. 1. 226 с.
12. **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.
13. **Новохатко О. В.** Как закатывают царства // Очерки феодальной России. М.: УРСС, 2009. Вып. 13. С. 392-431.
14. **Сазонова Л. И.** Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.
15. **Седов П. В.** Закат Московского царства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 603 с.
16. **Сукина Л. Б.** О хронологических рамках «перехода» русской культуры из Средневековья в Новое время // Русский мир в пространственно-временном контексте: сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Барнаул: Издательство АлтГТУ, 2015. Ч. 1. С. 28-40.
17. **Уваров П. Ю.** Раннее Новое время: взгляд из Средневековья // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 109-120.
18. **Узланер Д. А.** Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
19. **Филюшкин А. Ю.** «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 67-78.
20. **Хабермас Ю.** Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 406 с.
21. **Хомяков М. Б.** Модерность: путь к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 58-83.
22. **Шестова Т. Л.** Истоки и перспективы глобальной истории // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества: хрестоматия. Волгоград: Учитель, 2012. С. 77-82.
23. **Bushkovitch P.** Change and Culture in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. № 2. P. 291-316.

24. Eisenstadt S. N., Schluchter W. Introduction: Paths to Early Modernities – a Comparative View // *Daedalus*. 1998. Vol. 127. № 3. P. 1-18.
25. Ferguson W. K. *The Renaissance in Historical Thought*. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 429 p.
26. Goldstone J. The Problem of the “Early Modern” World // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1998. Vol. 41. № 3. P. 249-250.
27. Green W. A. Periodization in European and World History // *Journal of World History*. 1992. Vol. 3. № 1. P. 13-53.
28. Jung D. *Muslim History and Social Theory. A Global Sociology of Modernity*. N. Y.: Springer, 2017. 133 p.
29. Latham M. *Modernization as Ideology: American Social Science and ‘Nation Building’ in the Kennedy Era*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2000. 288 p.
30. Leduc J. Période, périodisation // *Historiographies: Concepts et débats / sous la dir. C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt*. P., 2010. Vol. 2. P. 830-838.
31. Pot van der J. H. J. *Sinndeutung und Periodisierung der Geschichte. Eine systematische Übersicht der Theorien und Auffassungen*. Boston – Köln: Brill, Leiden, 1999. 1001 S.
32. Riasanovsky N. V. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*. Oxford – N. Y.: Oxford Press, 1985. 331 p.
33. Starn J. The Early Modern Muddle // *Journal of Early Modern History*. 2002. Vol. 6. № 3. P. 296-307.
34. **The Challenge of Periodization: Old Paradigms and New Perspectives** / ed. by L. Besserman. L.: Routledge, 1996. 270 p.
35. Therborn G. Entangled Modernities // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 6. № 3. P. 293-305.

Early Modern Age as a Historical Period in World and Domestic Historiography

Krylov Aleksei Olegovich, Ph. D. in History
Bauman Moscow State Technical University
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
dismal.enigma@yandex.ru

The article analyses the origin and evolution of the “Early Modern Age” conception in world and domestic historiography. The author discovers to what extent the views regarding chronological frameworks and distinctive features of the Early Modern Age are associated with philosophical and sociological conceptions of the modernity of the XIX-XX centuries, traces evolution of the term meaning: from the “stage of social development” towards the “historical epoch” in broad understanding. The paper reveals specificity of the Early Modern Age interpretation in domestic historical science of the beginning of the XXI century.

Key words and phrases: Early Modern Age; modernity; early modernity; multiple modernities; modernization theory; entangled modernities.

УДК 94(32)

Дата поступления рукописи: 03.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.13>

Настоящая статья посвящена особенностям календаря древних египтян, в частности выделению ими пяти дополнительных дней после двенадцати месяцев. На материале исторических и мифологических источников разных периодов рассмотрены отличия обычных дней года от дополнительных, в частности проанализированы возможные ошибки в датах хозяйственной ведомости конца эпохи Рамессидов, в которой эпогомены открывают, а не завершают год. Источниковедческая работа основана на авторских переводах многих документов, в приложении приводятся тематические отрывки из папирусов XIV-XIII вв. до н.э.

Ключевые слова и фразы: Древний Египет; календарь; эпогомены; миф; Рамсес II.

Панов Максим Вячеславович, к.и.н.

г. Новосибирск
panov.mv@gmail.com

Эпогомены в древнеегипетском календаре

Введение. О календаре древних египтян сообщают многочисленные документы. Год состоял из 360 дней: он делился на 3 сезона по 4 месяца, каждый месяц состоял из 30 дней, и за последним из них следовали еще 5 дней, получивших условное название «эпогомены». Это особые дни, в которые, по легенде, были рождены пять богов. **Актуальность** темы статьи определяется практически полным отсутствием исследований и публикаций источников на русском языке. **Целью** является раскрытие основных отличий обычных дней древнеегипетского календаря от пяти дополнительных; выявление упоминаний об исторических событиях, которые пришлось на эти особые дни; решение источниковедческого вопроса в части публикации исследуемых отрывков. **Научная новизна** материала заключается в выходе в свет авторских переводов на русский язык важных письменных свидетельств по истории древней культуры. **Практическая значимость:** статья адресована востоковедам, специалистам по истории, источниковедению и мифологии. Опубликованные переводы могут использоваться в качестве основания для смежных исследований.